

ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ О СЕБЕ И О ДРУГИХ

АННЕЛОРЕ ЭНГЕЛЬ-БРАУНШМИДТ

Освобождение от чужого владычества привело в балтийских государствах и к освобожденному взгляду на собственную историю, а также к раннее почти невозможной кооперации между западноевропейскими и балтийскими учеными. Научному обмену особенно способствовал состоявшийся в 1990 г. по инициативе Клауса Гарбера конгресс в нижнесаксонском Оснабрюке, где были подведены первые итоги научного сотрудничества между немецкими исследователями и их коллегами из Таллинна, Тарту, Риги и Вильнюса [Garber, Klöcker]. Наряду с трудами историков постепенно появились публикации литературоведов [Undusk; Grudule; Saagpakk] и лингвистов [Tura; Aabrams; Bender], в которых освещаются взаимоотношения прибалтийских немцев с эстонцами и латышами, реже с русскими.

Моя статья исходит из вопроса: как различные нации в балтийских провинциях второй половины XIX в. видят себя и других? Что определяет их оценку? Что вытесняется из сознания и из памяти? Ответы обнаруживаются в мемуарах — литературном жанре, по определению ретроспективном. Мемуары схожи с автобиографией наличием «автобиографического пакта», т.е. автор и рассказчик (или протагонист) тождественны друг другу [Lejeune: 14], но, в отличие от автобиографии, в них нет особого акцента на личной жизни и истории личности. Мемуары больше ориентированы на события в окружающем мире, они «беззаботней, болтливей в передаче деталей и необязательней», чем автобиография [Wilpert: 565]. По сравнению с абстрактным подходом историка-наблюдателя, излагающего научно подтвержденные сведения, мемуары освещают судьбу и будни отдельного человека, отражают жизненные процессы. В них встречаются пропуски, субъективные сужде-

ния, неопределенность; историку следует с осторожностью использовать их как материал, но как разновидность «основного фундамента жизни» они проливают свет на историю общества и менталитет [Garleff: 534]. Особенно ценными мемуары оказываются при изучении взаимоотношений между этническими группами.

Моим материалом являются два опубликованных в Германии сборника мемуаров: *Baltische Lebenserinnerungen*, изданные Александром Эггерсом в 1926 г. [Eggers], и *Zwischen Reval und St. Petersburg*, изданные Хенningом фон Вистингхаузенем в 1993 г. [Wistinghausen]. На их примере удобно проследить, как прибалтийские немцы идентифицировали себя и как воспринимали своих ближайших соседей — эстонцев и латышей.

Обе книги содержат ранее не публиковавшиеся или же печатавшиеся в труднодоступном издании отрывки из воспоминаний преимущественно XIX в. Публикации разительно отличаются друг от друга, во-первых, в отношении социальной принадлежности их составителей, а также по временному диапазону. Эггерс перемещается в пространстве балтийских провинций, как правило, вращается в кругах «литераторов», т.е. в пасторских и дворянско-академических семьях, иногда и в торговых домах и предлагает мемуары о XIX в., созданные на основе личных впечатлений и чувств. Вистингхаузен, занимавший пост немецкого посла в Эстонии после достижения ею независимости и вернувшийся таким образом на родину своих предков, собирал статьи по заказу Эстляндского Рыцарства. За малым исключением это тексты дворян (владельцев богатых имений), игравших роль в политической и общественной жизни Прибалтики до Второй мировой войны. Их записки, дополненные издателем содержательными биографическими вступлениями, состоят в основном из воспоминаний о собственной деятельности, содержат замечания о провинциальной и имперской идеологии, о вопросах экономики, сельского хозяйства, права и церкви, о балтийском и петербургском обществе. С одной стороны, в этих частных записях, как в зеркале, отражается общая история прибалтийских немцев, а с другой стороны, они сами дополняют эту историю, привнося

в нее элемент личного. Всем этим текстам свойственно стремление объяснить минувшее, вызвать сочувственное понимание и сохранить «балтийскость» (*Baltentum*) для потомков.

В дополнение к указанным мемуарным книгам я использовала находящуюся в частном владении рукопись с семейными воспоминаниями Антуанет Рачински, урожденной Будберг-Бенингхаузен (1870–1952) [Raczynski], не подвергавшимися обработке и поэтому поразительно свежими и непосредственными.

I. Прибалтийские немцы: отношения между собой

1. Термин «Родина»

Без представления о самосознании остзейцев может остаться непонятным их отношение к народностям, среди которых они жили. Вопрос о нации неразрывно связан с вопросом о родине. Хотя уже имелась Германская империя, и остзейцы говорили на ее языке, они принадлежали к Российской империи. Отдельной остзейской «нации» не существовало, какими бы самостоятельными остзейцы с их специфическим общественным устройством себя ни считали. Читая «Воспоминания» прибалтийских немцев, невозможно усомниться в одном: авторы считают, что жили «на исконной родине», «чужаками» были все остальные: латыши, эстонцы, русские, в совокупности называемые «ненемцами» (*Undeutsche*). Обозначение *прибалт* (*Balte*) родилось позднее; до самой вспышки русского национализма немецкие жители страны называли себя *лифляндцами*, *эстляндцами* или *курляндцами*. Слово и термин *прибалт* возникло лишь из сопротивления русификации [Raptenius 1915: 109]. Как будто соглашаясь со своим курляндским коллегой Теодором Пантениусом (1843–1915), родившийся в Лифляндии писатель Вернер Бергенгрюн (1892–1964) утверждает, что для прибалтийского населения Эстляндии, Лифляндии и Курляндии было совершенно естественно называть три остзейских провинции своим *отечеством* (*Vaterland*); Германия воспринималась (хотя так не называлась) как *родина* (*Mutterland*). Россия была *отечеством* только по праздникам. Лишь позднее, после объединения Германии (1871), про-

винции стали называться *родиной* (Heimat): речь зашла о «нас, прибалтах» (“über uns Balten”), и *отечеством* звалась лишь Германия [Bergengruen: 261].

Но отношения с немецкой родиной были амбивалентными. В своих «Воспоминаниях» Пантениус описывает восторг, который охватил людей «родом из немецкой диаспоры» при переходе русско-немецкой границы в г. Эйткунене, где уже «все говорили по-немецки», «даже рабочие»: «Итак, мы теперь действительно находились среди народа, к которому принадлежали по своему происхождению, и чья духовная жизнь порождала нашу во всех отношениях, чьи книги мы читали, чьи песни пели» [Pantenius 1915: 167]. Хотя литератор Пантениус хвалил немецкую культуру, она не удовлетворяла его как прибалта. Он ведет двойную жизнь, жалуется на то, что в присылавшихся из Германии учебниках и романах адресатами, при выборе изображаемых проблем и порядков, были не балты, а немцы в Германской империи. Свое вдохновение Пантениус, по собственным словам, черпал исключительно из балтийской земли, лишь прибалтийские мотивы и люди оказывали на него влияние [Pantenius 1926: 120]. Разумеется, что подобный «культурный национализм» у Пантениуса [Тупа: 82] не мог удовлетворить критике строго национального направления.

2. Город и деревня

Вопреки тому факту, что этническая группа прибалтийских немцев к началу XX в. составляла в Эстонии и Латвии не более десяти процентов населения, в ее владении находилась почти половина всей земли. Воплощением прибалтийского немца является немецкий дворянин-помещик в своих владениях, немецкий барон на эстонской или латвийской земле, жизнь которого текла в спокойствии, наслаждениях и в согласии с заветами отцов [Ramm: 98]. В общественной жизни каждый социальный слой был строго отделен от остальных: дворянство, «литераторы» (т.е. люди с высшим образованием), торговцы и ремесленники образовывали собственные круги, которые не имели друг с другом практически ничего общего. Социальную пропасть было сложнее преодолеть, чем этническую [Witt-

gam 1949: 151]. Для торговых верхов в Риге, в чьих руках находился капитал, не имело значения это характерное для помещиков постоянство; они могли быстро разбогатеть, но также быстро впасть в нищету. Бывало, что оптовый торговец, гонимый лихорадкой спекуляций, до такой степени доверялся мошенникам, что во время «Большого Краха» 1873 г. его «орловские скакуны» и «даже его ньюфаундленд» шли с молотка [Pantenius 1926: 93f.].

У горожан было принято проводить лето у родственников в деревне. Нередко предметом воспоминаний становится гостеприимная жизнь в балтийских домах вообще (Антуанет Рачински описывает ее французским словом *large*) или у зажиточных балтов в Петербурге. «По-настоящему балтийская жизнь» [Vremem: 204] в дворянских имениях отличалась большим количеством гостей со своими лошадьми, с охотами, богатыми обедами, балами, летними прогулками на лодках, зимними на санях. Это были дома, где люди свободно приходили и уходили. Кто вырос в более скромных обстоятельствах и провел, как «деревенские дети» (*landsche Kinder*) [Oettingen: 169, 177; Schroeder: 192], свое детство в одинокой усадьбе среди полей, тот, хотя и привыкал к городскому образу жизни, все-таки мечтал о возвращении на природу и покупал себе дачу. Для одних олицетворением «города» являлся Дерпт, для других — столица Петербург. Случалось, что одно и то же лицо свободно вращалось в первых кругах европейского общества, а потом отдавалось хлопотам в уединенной балтийской усадьбе [Wistinghausen: Предисловие, 9]. В июне 1912 г. баронессу Изабеллу фон Унгерн-Штернберг в ее имении Лец под Балтишпортом (Палдиски) обрадовал своим визитом к чаю царь Николай II. Ее комментарий показывает особое отношение ее рода к русским царям в России и в Прибалтике: «Видимо, это тот редкий случай, когда люди сердечно рады присутствию императора и при этом ничего от него не хотят» [Ungern-Sternberg: 137].

3. Особый случай: Дерпт

Дерпт, немецкая высшая школа в Прибалтике, автономия которой признавалась российским правительством до конца 1880-х гг., являлся уникальным этническим и социальным феноменом, связывая все прибалтийские провинции и объединяя потомственных аристократов с аристократами духа [Ramm: 106]. Поскольку почти все литераторы получали высшее образование в Дерпте, воспоминания об университете и возникшие на месте личные связи, поддерживаемые принадлежностью к братствам и корпорациям [Eckardt: 387], играли свою роль и позднее [Eckardt: 386, Pantenius 1915: 45]. Для лифляндского журналиста и историка Юлиуса Экардта, внимательно следившего за политическими и общественными изменениями в Прибалтике, Дерпт означал «прямое и новое признание немецкого характера этого ландшафта». Еще в 1868 г., когда появился трактат Ю. Самарина «Окраины России»¹, Экардт был убежден в том, что национальный университет, в большей степени, чем привилегии и древние документы, был гарантией сохранения «немецкого характера».

Особое значение университета не могло не влиять на самосознание дерптского общества. Исключительность профессуры, граничившая с заносчивостью, подробно изображается Еленой Хершельманн, дочерью юриста Карла Эрдманна [Hoerschelmann, Dorpat: 234]. На упрек во властолюбии дерптский профессор богословия Александр фон Эттинген (1827–1905) ответил анекдотом. Так как «деревенские дети» кроме школьного образования нашли в Дерпте и трудоустройство, их дома располагались по соседству, на Соборной горе. Клан Эттингенов (богослов Александр, хирург и позднейший бургомистр Георг/Гори, братья Артур, Николай, Эдуард и Август, кроме того, шурин Мориц фон Энгельхардт и, наконец, мать с дочерью Мари) образовывал там своего рода колонию. Одна московская газета с насмешкой указала на то,

---

¹ О полемике по поводу остзейского вопроса в русской печати см.: [Исаков].

что двое из братьев построили себе два замка на Соборной горе, один из которых назывался «Ватиканом» (место «лифляндского папы»), другой «Квириналом» (резиденция дерптского главы города). В результате «Эттингенцы» как будто распространили «сеть своего вредоносного влияния по всей Лифляндии» [Oettingen: 183].

Тон на Соборной горе, где обитал также и богослов Фердинанд Хершельманн (свекор Хелены Хершельманн-Эрдманн), задавался богословским факультетом, единственным, которому во время русификации не было отказано в праве преподавания на немецком языке. В этих кругах интеллектуальная деятельность котировалась выше, нежели материальные интересы, и компенсировала скромный образ жизни, старомодную одежду и безобразное внутреннее убранство домов. Зато гостеприимство имело всю «феодалную ширь старых традиций» [Hoerschelmann, Dorpat: 235]².

Единственный русский среди дерптских профессоров, которому приходилось нелегко в национально-немецкой тесноте, был литературовед П. А. Висковатов (1842–1905). Если у немцев даже дома, увешанные картинами и обставленные бронзовыми статуэтками и пальмами, вызывали удивление, то тем более роскошным казался немецкой интеллигенции дом Висковатова с его «красочностью и пышностью» [Там же: 249]. Также по-великосветски жил университетский куратор Сабуров³ со своей жизнерадостной женой Лелей (Елизаветой Владимировной), дочерью гр. В. А. Соллогуба. «Слиянье всех стихий: русской высшей аристократии вплоть до князей и княгинь, местной деревенской знати, *fine fleur* профессуры и лучших представителей студенческой молодежи могло про-

---

² Хотя балтийские пасторские дома в сельской местности имели свой собственный облик, в социологическом отношении у них было много общего, и они представляли один общий тип [Wittgam 1949: 149–173].

³ Андрей Александрович Сабуров (1837–1916) был в 1875–1880 гг. попечителем Дерптского учебного округа.

изойти только в русском аристократическом доме», — восхищалась Хелена Хершельманн [Hoerschelmann, Dorpat: 253].

II. Отношения прибалтийских немцев с другими этносами

Эстонцы и латыши

В предисловии к своей книге издатель Вистингхаузен напоминает, что эстонцы, несмотря на отмену крепостного права, произведенную гораздо раньше, чем в России, и несмотря на земельные реформы XIX в., оставались до образования Эстонской Республики «в значительной степени объектом истории». Они «как отдельные лица <...> мало упоминаются в воспоминаниях — они были естественной составной частью жизни каждого эстляндца <...>». В равной мере эта характеристика касается и латышей. О том, что это положение изменилось в XX в., что теперь недоразумением кажется то, что раньше считалось нормальным, свидетельствует призыв издателя «судить о прошлом не по представлениям настоящего, но исходя из обстоятельств, характерных для того времени» [Wistinghausen: 9].

Художник и политический деятель Отто фон Курзелл (1884–1961), который вел двойную жизнь — немецко-балтийскую и имперско-немецкую — и видел обе стороны, заметил, что невозможно схематично сформулировать суть отношений между помещиком и деревенским населением. В юности, во время революции 1904–1905 гг., он наблюдал у эстонцев самый широкий диапазон этих отношений: от патриархальных связей до скрытого сопротивления, враждебности и страха [Kursell: 306]. Далее он критикует отсутствие у большинства балтийских немцев объективной оценки русских и видит причину нелюбви не только в русификации, но и в выборе антинемецки настроенных лиц в администрацию, в управление школ [Там же: 317].

Коренное население состояло из крестьян, называемых *Landvolk* (деревенский люд), во всех отношениях зависимых от помещика, имевшего над ними дисциплинарную власть. Давление сверху и покорность снизу способствовали постоянному взаимному недоверию обеих социальных групп. Панте-

ниус замечает, что крестьянин своим «рабским» поведением еще более усугублял уже без того глубокое социальное отчуждение [Pantenius 1915: 50, 100]. Помещик Беренд фон Юкскюль (1879–1963) еще в 1903 г. пытался установить свой авторитет тем, что неделями скакал верхом по эстонским деревням с целью проконтролировать качество ремонта зданий и правильное ведение хозяйства, но при этом желал создать у челяди впечатление, что им движет забота о них [Uexküll, Fickel: 150]. Надо иметь в виду, что с 1870-х гг. балтийские немцы постепенно утрачивали контроль над деревенским населением, а к революции 1905 г. ситуация стала накаляться.

Общение с крестьянами в день платы за аренду в замке Фикель (Fickel) барон считал весьма неприятным делом. Жалобы по поводу, как считали крестьяне, высокой арендной платы воспринимались им как «нытье» и казались неотъемлемой чертой эстонского характера. Тем более, что это, как Юкскюль не преминул заметить, люди в целом «очень зажиточные» и владельцы «отличных лошадей» [Там же]. Детям в семье Беннингхаузен-Будберг было строго запрещено разговаривать со слугами, хотя те жили вместе с господами уже десятки лет, любили их детей и баловали их. Когда наказание было очень строгим, вспоминает Антуанет Рачински, ребенок убежал к служившему у них уже пятьдесят лет эстонскому кучеру [Raczynski: 8, 12]. Кажется, что взрослые, убежденные в превосходстве «немецкости» (Deutschtum), думали иначе. Примером другого отношения к коренному народу служит точка зрения Зигфрида фон Бремена, который придавал большое значение существовавшим во всех балтийских городах немецким клубам, певческим и спортивным объединениям. Они, утверждает фон Бремен, препятствовали части своих членов скатиться в «эстонство» (Estentum) [Bremen: 219].

В том, что «язычески-суеверным крестьянам», «бедным, грубым и невежественным людям» [Pantenius 1915: 50], как говорится в «сочувственном дискурсе» [Тгура: 80], необходимо было дать образование, было убеждено лишь духовенство [Eckardt: 418], которое связывало с образованием в первую очередь миссионерскую идею. Усилия духовенства не везде

находили поддержку помещиков, боявшихся утечки рабочей силы (образованному крестьянину больше не захочется быть крестьянином). В результате усилий духовенства получался онемеченный латыш или эстонец, говоривший «полунемецким» языком. Он мог быть уверен в неприятии со стороны своей собственной национальной группы [Tura: 83]. Но вышло так, что в конечном счете образование внесло свой вклад в развитие национального самосознания эстонцев и латышей.

Русские

Воспоминания о детстве — везде светлые, особенно о нянях, с которыми дети проводили больше времени, чем с матерью. С няней они начинали говорить сначала по-эстонски или по-русски, и только потом по-немецки, после перехода через языковую тарабарщину (Kauderwelsch), смеси из, скажем, эстонского с немецким [Wittram 1949: 223]. О своих «простых русских нянях» Антуанет Рачински вспоминает, что с ними детям было лучше всего, «потому что они делали всегда то, что было запрещено». Ее пример — поездка в Ригу, где дети, в числе прочих «развлечений», со сладким ужасом смотрели на такие экзекуции, как наказание шпицрутенами или даже повешение [Raczynski: 5 f.]. У взрослых взаимоотношения с Россией определялись, прежде всего, «злосчастной политикой русификации» [Ramm: 111], причем к концу XIX в. существуют отличия в осуждении русских на их родине и в Прибалтике. «О России мы не знали ничего, — констатирует Пантениус, — и даже совсем не знали ее литературы <...> кто дома допускал бестактность, <...> уезжал <в Россию>. Если там ему удавалось найти свое место в жизни, то он, возможно, <...> возвращался на родину в качестве императорского статского советника, <...> главного лесничего <...> владельца шахт на Урале» [Pantenius 1915: 118]. Тесные связи с Петербургом имели не только дворяне, но преимущественно семьи балтийского рыцарства Эстляндии и Лифляндии, которые служили в имперских министерствах и в российских войсках. Братья Антуанет Рачински служили в Российской империи, старший был председателем суда в Тобольске (убит большевиками

в 1919 г.), другой работал врачом в Харбине⁴ [Raczinski: 10]. Кто решался проникнуть вглубь России, чаще всего назад не возвращался, становился обрусевшим (*verrusst*) немцем и в мемуарах уже не упоминается.

Было две России: одна, предоставлявшая военным, министерским чиновникам, медикам, преподавателям и учителям большие возможности сделать карьеру и вести блестящий образ жизни, и другая, которая посредством введения русского как единственного ведомственного языка (1867), кампании в печати 1868 г. и радикальных изменений 1880–1890-х гг., стала самым ненавистным врагом. Первым провалом в связях с Россией стал период ливонских переходов в другую веру (1840-е гг.)⁵ [Pantenius 1926: 123]; апогеем стало «вероломство» Александра III, которое иронически было воспринято как благодарность за прибалтийскую «неизменную верность» русской императорской фамилии. Царь — как было пафосно сформулировано — недолго думая, прибрал к рукам «обещанные монаршим словом Петра Великого права и привилегии» и отдал прибалтов на произвол русского чиновничества и «кипящего хаоса безнадежных обстоятельств насквозь прогнившей <...> гигантской империи» [Ramm: 85] — это еще один из наиболее невинных выпадов в адрес якобы нецивилизованных и ни к чему не способных русских.

Как ни странно, российского царя прибалтийские немцы называли “Kaiser” — до объединения немецких земель в 1871 г. в Германии не было кайзера. Когда началась Первая мировая война, присяга российскому знамени препятствовала проявлению патриотических чувств к Германии. В своих воспоминаниях Зигфрид фон Бремен оправдывает тех, кто сражался против Германии, заключая, что присяга стоит выше «народной обязанности». По его словам, в то время каждый чувствовал себя связанным присягой, но внутреннее чувство

---

⁴ Roger Budberg женился на китайке и оставил достойные внимания письма 1903–1925 гг. о своей жизни и работе на Дальнем Востоке, списанные его племянником Joseph A. Raczynski в 1986 г.

⁵ Массовый переход латышей и эстонцев в православие.

могло быть иным: «Никто не мог запретить нам радость и восторг от каждой немецкой победы» [Bremen: 221].

Та «широкая жизнь», которой немецко-балтийский быт отличался от немецкого, развивалась под влиянием российской; русские суеверия отразились даже на представлениях католички — матери Антуанет Рачински. Ее мать, боясь несчастья, «как все русские, никогда никуда не ездила по пятницам или понедельникам, никогда не подавала руку через порог или соль через стол. При встрече с русским попом надо было поплевать три раза, потому что в трех шагах за попом следует дьявол» [Raczynski: 21].

Если в первой половине XIX в. русскому языку уделялось мало внимания — далеко не каждый барон посещал Царско-сельский лицей, как Бернхард фон Юкскюль (1819–1884) [Uexküll, Zarskoje: 27–46], не в каждом имении нанимали на лето русского учителя (Sommergusse) для детей [Uexküll, Fickel: 147], то в 1880-е гг. отношение к русскому языку изменилось, он стал необходимым для продвижения в жизни [Bremen: 201, 218]. Что касается 1890-х гг., то Клас фон Рамм отмечает у прибалтийских немцев (в отличие от русских) владение эстонским и латышским, делавшие для них возможным занятие постов в управлении этими провинциями [Ramm: 113]. О том, что в 1880-е гг. в Дерпт начался сильный приток студентов русской и еврейской национальности, а эстонцы и латыши также начали прибывать в большом количестве, «хоть раньше они ведь даже не посещали гимназию», сообщает, не без сожаления, Зигфрид фон Бремен в своих мемуарах еще в середине XX в. [Bremen: 200]. Нужно было обладать взглядом человека искусства, дерптского художника Роланда Вальтера (1872–1919), чтобы вне всякой политики и в военное время описать в своих воспоминаниях такие чудесные картины сибирской природы, что они заставляют забыть войну, во время которой возникли [Walter].

Несмотря на восторженные описания рождественских праздников в немецком доме [Hoerschelmann, Weihnachten], балтийские немцы охотно обращали внимание и на народные деревенские праздники и обычаи латышей. Они любовались,

например, церковными похоронами, где играла музыка, много елось и пилось [Pantenius 1915: 49 f.]. Пение сопровождало также латышский праздник “Ligo jani” (сжигание бочек со смолой) и весенний выгон скота [Raczynski: 25]. Станным казался обычай обвешивать лошадь невестиной кареты шерстяными рукавицами или начинать танец с рукавицами [Pantenius 1915: 101]. Традиционными являются также описываемые блюда, особенно для рождественских праздников⁶.

Евреи

Евреи жили преимущественно на границе с Литвой или в литовских местечках, в Эстонии их было немного. Как вспоминает Зигфрид фон Бремен, до революции «еврейского вопроса» не существовало. Он объясняет, что во время его пребывания в г. Пернау (Пярну) в качестве адвоката (1911–1917) евреи сторонились немцев, потому что имели с ними общие экономические интересы и чувствовали себя таким же угнетенным русскими этническим меньшинством, как и немцы. Они работали ремесленниками или мелочными торговцами и вряд ли играли значительную роль в балтийской экономической жизни [Bremen: 219–220]. Пантениус описывает особый тип еврейских торговцев, который Антуанет Рачински называет «торговцами-мешочниками» (Bündelkrämer), с ящиком за плечами, полным чудес — от полезных вещей до безделушек для украшения и любовных писем для передачи адресатам. За умение торговцев держать язык за зубами их особенно ценили как сватов; в качестве «ходячей газеты» они распространяли новости. В ящике скрывался даже маленький орган, и сверху на нем сидела пестрая птичка-вещунья. Для предсказания бу-

---

⁶ В канун Рождества в каждом истинно лифляндском доме подавали “Grützwurst, süße Leberwurst und Palten”; на само Рождество подавали “Tum” и фрикадельки (Klops). Рождественская палта (Palte) была страшно невкусная, вспоминает Елена Хершельманн, но глотали ее «с искренним благоговением» [Hoerschelmann, Weihnachten: 226 f.].

дущего готовились свернутые бумажки, которые птичка по заказу выдавала зрителям [Raczynski: 26–27].

На еврейские свадьбы смотрели как на театральное зрелище; тщательно наряженные по субботам женщины вызывали восхищение [Pantenius 1915: 156]. По словам фон Бремена, браки между евреями и неевреями заключались редко, а если и заключались, то это были еврей-иностранцы. Евреи, живущие на балтийской земле, как будто утратили свою связь с еврейством, и второе поколение чувствовало себя уже немцами [Bremen: 220]. Антуанет Рачински подробно описывает бракосочетание у евреев, на котором она присутствовала лично, и подчеркивает строгость, с которой они соблюдали свои законы. «Настоящие евреи», сообщает она, были преданны и верны своим хозяевам, у которых снимали кабаки и фруктовые сады, и были они честными, «как золото» [Raczynski: 26]. С удивлением вспоминает она поведение евреев на похоронах ее всеми уважаемого отца в 1906 г., когда все люди ушли на поминальную трапезу, а евреи остались на улице, со свечами в руках. На вопрос лучшего друга отца, барона Корффа, почему они так поступили, они ответили, что высочайшая честь, «которую они могли оказать дорогому барону, заключалась в том, чтобы дать свечам сгореть без остатка. Еврей, который дрожит над каждой копейкой, не пожалел сжечь целую свечу» [Там же: 14].

Цыгане

Все боялись цыган из-за «красного петуха» (поджогов), которого те пускали, если считали, что с ними обошлись сурово или несправедливо. Многие боялись цыганского проклятья, из-за их ремесла предсказателей им приписывали магические способности и верили, что цыганы применяют их, чтобы кому-нибудь отомстить. Говорили также, что они были владельцами прекрасных (краденых) лошадей. Но Антуанет Рачински оправдывает их, напоминая, что ее отец, считавший своим долгом помогать цыганам во всем, разрешал им пасти своих лошадей на берегу Немана и оставаться там, сколько они могли выдержать «со своей кочевой кровью». Их благодарность, пи-

шет она, распространялась и на детей, которым они всегда приносили «что-нибудь необыкновенное, домашних голубей и тому подобное». «У нас они никогда не воровали» [Raczynski: 27].

*Прибалтика как «заповедник»
человеческих типов и устаревших слов*

Писатель Вернер Бергенгрюн называет Прибалтику заповедником человеческих типов [Bergengruen: 1]. О справедливости его суждения про чудаков свидетельствуют воспоминания Екатерины Майер о своем дедушке и родителях [Mayer: 59, 63], а также Карла Купфера о своем отце и братьях [Kupffer: 78], собранные в сборнике Эггерса. «Заповедником» Прибалтика была и для давно вышедших из моды слов и выражений⁷. В эпоху, не знакомую с суетой, люди перерабатывали пережитое или прочитанное в разговорах, сами рассказы текли широко и неспешно [Mayer: 61] на стандартном немецком [Tura: 80], пропитанном в начале XIX в. еще французскими выражениями XVIII столетия (как в воспоминаниях Елизаветы Хоффманн о ее ревельской бабушке⁸). Здесь иногда попадают латышские слова⁹ («жерлянки кричат по-латышски “кункс, кункс” (Kunks, Kunks), будто они зовут своего барина»¹⁰) и даже целые предложения на немецко-эстонско-русской языковой смеси¹¹. Когда чудаковатый холостяк в Латвии называет

⁷ “Das Braupaar von der Kanzel werfen” (auch “Abverkündigung”, «оглашение вступающих в брак») [Hoffmann: 20].

⁸ “Molestieren, en famille, pressiert, convenable, ästimieren”.

⁹ Разбогатевшего на винном акцизе заседателя барона Фитингофа (Vietinghoff), владельца огромной части Лифляндии, называли “Pus keninsch” (Halbkönig, полукороль) [Kupffer: 69]. Часто встречается “Pergel” (Kienspan, сосновая лучина).

¹⁰ Латышское “kunks” означает “Herr” (барин, господин).

¹¹ Немецко-русско-эстонская реплика русскому продавцу, плохо сделавшему сальные свечи: “Schlusti, woßmi twoi Lichte, Lichte lachti, schlechte Dacht, poddi Didel” (Приблизительно: Конец тебе, возьми твои свечи, свечи плохие, светильни плохие, поди вон) [Hoffmann: 20].

всех женщин “Titere” (индюшками), то это нельзя принимать за комплимент [Kupffer: 78].

Национальное самосознание прибалтийских немцев прежде всего выражается личным местоимением «мы»¹², а «немецкий характер»¹³ объясняется обычно перечислением тех прусских добродетелей второго порядка, которых нет у других, особенно у русских. Это чувство ответственности, добросовестность, неподкупность, порядок и дисциплина. Они противопоставляются качествам, приписываемым «чужому» народу (русскому), и его «инстинкту разрушения» [Ramm: 84 f.; Pistohlkors 1995: 90]. На «прекрасном немецком Рейне» в приступе истинной германомании Класа фон Рамма (1864–1920) охватывает чувство счастья быть немцем: «немцем до глубины души, до святого святых» чувств. «Немцем я был всегда, немцем я мог и должен был остаться навсегда». В 1890 г. автор вернулся в свой «отчий дом» (поместье Клостер Падис), «который уже всегда был настолько исконно немецким, что не воспринимался нами сознательно как таковой». В 1920 г. он ожидал помощи из Германии для «покинутых прибалтов» в «почти безнадежной борьбе, которую мы, прибалтийские немцы, вели против подавляющего превосходства разрушительного славянского варварства. Мы боролись, как немецкие мужчины, упорно и постоянно, несмотря на то, что немецкие мужчины из Германии нам не помогали!» [Ramm: 112 f.]. «Борьба» — это одно из наиболее расхожих обозначений для положения немцев в Прибалтике начиная с конца XIX в. [Saagpakk: 154].

Заключение

В XX в. земельная экспроприация 1920 г. и ее последствия для остзейцев, равно как и заключение немецко-советского пакта о ненападении в 1939 г. привело к значительному усилению национально-немецких и консервативных взглядов прибал-

¹² Подробно о группе «мы» см.: [Группа: 80–82].

¹³ “Das ganz aus deutscher Art entstandene Studentenleben” (студенческая жизнь, целиком развившаяся из немецкого характера) [Pantenius 1915: 118, 246].

тийских немцев, а также к тому, что они все еще надеялись на Германскую империю, когда та уже сделалась гитлеровской Германией. В 1995 г. Герт фон Пистолькорс задал вопрос, занимающий историков до сегодняшнего дня: «Когда и при каких условиях правящий слой в прибалтийских провинциях утратил силы для приспособления обстоятельств к своим собственным политическим потребностям?» [Pistohlkors 1995: 90]. С точки зрения современных эстонцев и латышей, стоит скорее спросить, когда и при каких условиях управляемый слой в прибалтийских провинциях набрался сил для приспособления обстоятельств к своим собственным политическим потребностям? Смена взглядов у прибалтийских немцев произошла лишь под влиянием глубоких разочарований и потрясений Второй мировой войны. Эти события подчеркивают ностальгический характер записок и корреспондируют с замечанием одного немецкого этнографа: «Потеря предмета становится очевидной лишь при его поиске» [Garleff: 534].

ЛИТЕРАТУРА

- Исаков: *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1961. Вып. 107.
- Aabrams: *Aabrams, V.* “Mehr nurrige Gesicht”. Vier Gedichte in estnischem Halbdeutsch. Aus einer karnevalesken Umbruchszeit. Magisterarbeit Universität. Tartu, 2007.
- Bender: *Bender, R.* Oskar Masing und die Geschichte des Deutschbaltischen Wörterbuchs. Diss. Phil. Tartu, 2009.
- Bergengruen: *Bergengruen, W.* Schnaps und Sakuska. Baltisches Lesebuch. Hrsg. N. Luise Hackelsberger. München, 1992.
- Bremen: *Bremen, S.* v. Erinnerungen // Wistinghausen, S. 198–251.
- Eckardt: *Eckardt, J.* Die baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig, 1868.
- Eggers: *Eggers, A.* Hrsg. Baltische Lebenserinnerungen. Heilbronn, 1926.
- Garber, Klöker: *Garber, K., Klöker, M.* (Hrsgg.). Kulturgeschichte der baltischen Länder in der Frühen Neuzeit. Mit einem Ausblick in die Moderne. Tübingen, 2003 (= Frühe Neuzeit. Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext; Bd. 87).

- Garleff: *Garleff, M.* Formen der Erinnerung in deutschbaltischer Literatur // Garber, Klöker. S. 533–563.
- Gottzmann: *Gottzmann, C.* Hrsg. Deutschsprachige Literatur im Baltikum und in St. Petersburg. Berlin, 2010 (= Literarische Landschaften. Hrsg. im Auftrag der Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen von Frank-Lothar Kroll; Bd. 11).
- Grudule: *Grudule, M.* "... sie empfanden nur, dass sie leben..." Der Lette in deutschbaltischer Prosa um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // Gottzmann. S. 107–126.
- Hoerschelmann, Weihnachten: *Hoerschelmann, H. geb. Erdmann.* Unsere Weihnachten // Eggers. S. 218–232.
- Hoerschelmann, Dorpat: *Hoerschelmann, H.* Aus alten Dorpater Tagen // Eggers. S. 233–262.
- Hoffmann: *Hoffmann, E.* Bilder aus Revals Vergangenheit // Eggers. S. 7–30.
- Kupffer: *Kupffer, K.* Mein Vater und seine Brüder // Eggers. S. 67–86.
- Kursell: *Kursell, O. v.* Begegnungen mit Esten und Russen // Wistinghausen. S. 302–342.
- Lejeune: *Lejeune, Ph.* Der autobiographische Pakt. Frankfurt am Main, 1994.
- Mayer: *Mayer, K. geb. Eggers.* Das Haus meines Großvaters und meiner Eltern // Eggers. S. 54–66.
- Mühlen: *Mühlen, H. von zur.* Die baltischen Lande, ihre Bewohner und ihre Geschichte // Garber, Klöker. S. 15–36.
- Oettingen: *Oettingen, A. v.* Haus und Heimat // Eggers. S. 169–182.
- Pantenius 1915: *Pantenius, Th. H.* Aus den Jugendjahren eines alten Kurländers. 2., verbesserte Auflage. Leipzig, [1915].
- Pantenius 1926: *Pantenius, Th. H.* In Riga. Aus den Erinnerungen eines baltischen Journalisten // Eggers. S. 87–128.
- Pistohlkors 1987: *Pistohlkors, G. v., Raun T., Kaegbein, P.* (Hrsg.). Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius 1579–1979. Beiträge zur Geschichte und ihrer Wirkung im Grenzbereich zwischen West und Ost. Köln, Wien, 1987 (= Quellen und Studien zur baltischen Geschichte; 9).
- Pistohlkors 1995: *Pistohlkors, G. v.* Deutsche, Esten, Letten, Russen. Interethnische Beziehungen unter ständischem Vorzeichen. 1710–1918 // Schlaw 1995. S. 80–95.
- Raczynski: *Raczynski, A. Gräfin, Freiin von Boenninghausen gen. Budberg* [1869–1952]. Lebenserinnerungen. Manuskript. 1948–1950. Abschrift von Joseph A. Raczynski. München, 1980/81.

- Ramm: *Ramm, C. v.* Eine estländische Jugend // Wistinghausen. S. 83–115.
- Saagpakk: *Saagpakk, M.* Verlust und Rückgewinnung im Wort. Deutsch-baltische Autobiographien nach 1945 // Gottzmann. S. 147–156.
- Schlau 1995: *Schlau, W.* (Hrsg.). Tausend Jahre Nachbarschaft. Die Völker des baltischen Raumes und die Deutschen. München, 1995.
- Schlau: *Schlau, W.* Die Völker des baltischen Raumes und die Deutschen — Probleme einer “kühlen Nachbarschaft” // Schlau 1995. S. 7–11.
- Schroeder: *Schroeder, L. v.* Aus meinem Leben // Eggers. S. 192–200.
- Trupa: *Trupa, S.* Diskurse um lettische Identitätsbildung im Lichte der systematisch-funktionalen Grammatik. Frankfurt, Berlin u.a., 2010 (= Studien in Nordeuropäischer und Baltischer Linguistik; Bd. 3).
- Uexküll, Fickel: *Uexküll, Berend. Freiherr v.* Erinnerungen an Schloss Fickel und die Nachkriegszeit in Berlin und München // Wistinghausen. S. 140–177.
- Uexküll, Zarskoje: *Uexküll, Bernhard Freiherr v.* Als Schüler im Lyzeum von Zarskoje Sjelo, Staatsbeamter in St. Petersburg und Student in Berlin // Wistinghausen. S. 27–82.
- Undusk: *Undusk, J.* Verbindungen zwischen Estland und den Deutschen auf dem Gebiet der Literatur. In: Schlau 1995. S. 300–306.
- Ungern-Sternberg: *Ungern-Sternberg, I. v.* Kaiserbesuch // Wistinghausen. S. 134–139.
- Walter: *Walter, R.* Sibirische Landschaftsbilder // Eggers. S. 309–344.
- Wilpert: *Wilpert, G. v.* Sachwörterbuch der Literatur. 7., verbesserte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 1989.
- Wistinghausen: *Wistinghausen, H. v.* (Hrsg.). im Auftrag der Estländischen Ritterschaften. Zwischen Reval und St. Petersburg. Erinnerungen von Estländern aus zwei Jahrhunderten. Weissenhorn, 1993.
- Wittram 1949: *Wittram, R.* Drei Generationen. Deutschland – Livland – Russland. 1830–1914. Gesinnungen und Lebensformen baltisch-deutscher Familien. Göttingen, 1949.